

Ю.А. Красин

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОЦИАЛИЗМЕ

Красин Юрий Андреевич — доктор философских наук, руководитель Центра анализа социально-политических процессов Института социологии РАН.

В поисках новой парадигмы

Доказывать сегодня, что социализм — и как идейная концепция, и как общественное движение — переживает глубокий кризис, никому не надо. Эта констатация стала банальностью. Что касается будущего, то на фоне обвального крушения коммунистической системы правдоподобным выглядело утверждение американского политолога Ф.Фукуямы: у социализма нет будущего, наступила эра окончательного торжества либерализма, одержавшего верх над всеми другими течениями общественной мысли [1]. Однако вскоре стало ясно, что все не так просто. И на западе вслед за некоторым падением влияния социал-демократических партий они вновь стали набирать очки; и на востоке — после недолгой эйфории посткоммунистического либерализма — возрождается интерес к социализму. Вместе с тем ясно обнаружилось, что кризис поразил и другие течения общественно-политической мысли и действия, включая либерализм. В конце XX века в развитии человеческого общества происходят такие глубочайшие изменения, которые затрагивают сами основания его бытия и сознания. Все больше признаков становления принципиально новой цивилизации. В свете этих сдвигов и вызванных ими кризисных процессов в социальном мировоззрении назрела потребность в основательной критической переоценке содержания всех его основных исторически сложившихся направлений, их роли и места в формировании современного, наиболее адекватного нынешним реальностям видения мира. Если социализм в этом смысле чем-то и отличается от либерализма или консерватизма, то только тем, что для него проблема стоит гораздо острее: слишком разителен контраст между претензиями начала нынешнего столетия и драматическими результатами на его исходе.

* * *

С нынешним кризисом уходит в прошлое исчерпавший себя социализм, который был идеологическим слепком классического индустриализма с его отличительными особенностями: материалоемкими и трудоемкими технологиями, четко очерченными границами форм собственности, противостоянием труда и капитала, классовыми антагонизмами, доминированием партийно-политических структур. Между тем другому обществу, идущему на смену классическому индустриализму (чаще всего его именуют "постиндустриальным"), присущи иные измерения: гибкие технологии, индустрия знаний и информации, размытость отношений собственности и классовых различий, изменение функций государства, новые социальные субъекты и непартийные движения, политическая культура консенсуса. Общественные отношения испытывают влияние новых потребностей,

чрезвычайно многообразных, не сводимых к экономическим интересам, а часто и вообще к какому-либо общему знаменателю. Эти кардинальные изменения затрагивают принципы методологии оценки и решения всех общественных проблем, причем не в каких-то частностях, а в самом существе. Должны быть ревизованы как исторически ограниченные многие, казалось бы, основополагающие понятия: классовая борьба, насилие, гегемония пролетариата и т.п.

Уместно заметить попутно, что связь марксистского социализма и свойственного ему упора на социально-классовое противостояние с ранним индустриализмом хорошо подметил известный экономист-аграрник А.В.Чаянов. В его понимании государственный социализм — это строй, "рожденный в застенках германской капиталистической фабрики, выношенный психологией измученного подневольной работой городского пролетариата, поколениями, отвыкшими от всякой индивидуальной творческой работы и мысли, он мог мыслить идеальный строй только как отрицание строя, окружающего его" [2]. При всем утопизме противопоставлявшейся государственному социализму теории крестьянского социализма методологически эти чаяновские идеи весьма интересны.

Симптомом глубоких перемен, происходящих в идеологической сфере, являются концепции постмодернизма. Как бы ни были экстравагантны эти концепции, они отражают нечто очень существенное в современной общественной жизни: динамичность, гибкость, подвижность общественных отношений, не сравнимые с условиями классического индустриального общества, где относительно стабильные экономические отношения выполняли функции базиса, структурирующего жизнь общества, придающего ему определенную целостность. Теперь же эта целостность как бы распадается на автономные сферы, в свою очередь атомизирующиеся,

Один из знатоков постмодернизма Зигмунт Бауман, описывая динамику отношений постиндустриального общества, сравнивает ее с "водоворотом, появляющимся в течении реки и сохраняющим свою форму только на относительно короткий период и только за счет непрерывающегося метаболизма и постоянного обновления содержания" [3].

Постмодернистские социальные теории довели до абсурда релятивность, автономность, подвижность общественных отношений. В сущности, они пришли к полному отрицанию каких-либо устойчивых структур общества как системы и даже — в крайних вариантах — самого понятия "социальность". Но за всем этим стоит реальная проблема. Постмодернизм спекулирует на еще не осмысленной теоретически специфике общественных отношений постиндустриализма.

У социализма (как, впрочем, и у либерализма) нет адекватного ответа на постмодернистский вызов. Затруднения связаны с тем, что его теоретическая концепция зиждется на монистической основе, а именно монизму общественного устройства и развития в первую очередь брошен вызов постиндустриальными реальностями и их постмодернистскими интерпретациями. Теория и практика социализма (в том виде, как он сложился исторически) не адекватны нынешней исторической динамике. Нужна иная логика теоретического мышления и политического действия. Требуется смена концептуальной парадигмы. И вырисовываются основные направления ее поиска. Не претендуя на исчерпывающий перечень, обозначу шесть таких направлений.

* * *

Первое направление — переход от структур к ценностям. Собственно, партии Социалистического Интернационала уже давно идут по этому пути. Прежде социализм

обязательно увязывался с вполне определенными общественными структурами, на основе чего конструировалась жесткая модель социализма как антипод структурной модели капитализма.

Происходящий цивилизационный сдвиг выявляет подвижность, релятивность любых общественных структур. Такие привычные понятия, как "капитализм" и "социализм", в их сложившемся структурном толковании уже не охватывают плюрализма, взаимодействия и взаимопереходов общественных отношений и поэтому, но меньшей мере, недостаточны для описания и тем более — понимания современной действительности. Становится очевидным, что попытки сконструировать общезначимую модель социализма из некоторых константных структур: общественная собственность, государственное планирование, гегемония рабочего класса и т.д. — носят исторически преходящий характер и в лучшем случае применимы лишь к определенным этапам общественного развития. Нынешняя многоликая действительность подсказывает иной подход к социализму: не как к жестко структурированной модели или к единой общественно-экономической формации, а как к определенным образом систематизированной совокупности ценностей (свобода, равенство, справедливость, солидарность и др.).

По-иному видится и детерминация ценностей в системе общественных отношений. Традиционная увязка социалистических ценностей с экономикой соответствовала параметрам индустриального общества, где реализация идеалов социализма напрямую и в решающей мере зависела от степени экономической свободы. Применительно к нынешним условиям этого недостаточно. Во все большей мере обнаруживается "автономность" различных сфер общественной жизни, а значит все острее встает вопрос о содержании социалистических ценностей в каждой из них, о нахождении их общего вектора, не замыкающегося на одну только экономику. Беспрецедентный плюрализм ценностных ориентации индивидов и общественных групп в современном мире выходит далеко за пределы экономических интересов. Социалистическая идея поэтому может вновь обрести привлекательность (какую она имела в XIX и в первой половине XX века) только тогда, когда будет найдена формула интеграции в нее многообразных интересов и устремлений современного общества.

В прошлом магнетизм социалистической теории заключался в том, что она воспринималась как концепция освобождения от капиталистической эксплуатации, казавшейся тогда главным препятствием к свободе. Теперь же ясно, что корневая система отчуждения — более глубокая и разветвленная. Социализм не сможет вновь стать великой целью, способной пробудить великую энергию общественного действия, вне широкой концепции освобождения, раскрывающей способы преодоления различных форм отчуждения (включая неэкономические), сковывающие творческий потенциал индивида и общества.

Опасения, что ценностная характеристика социализма слишком абстрактна, оторвана от жизни, представляются неосновательными. Напротив, именно структурный подход побуждает конструировать абстрактные модели. Преимущество же ценностного подхода в том, что он освобождает теорию от разработки некой схемы совершенного общества. Теория обращается к осмыслению социального опыта и реальностей под углом зрения конкретного анализа условий и возможностей развития. При этом отнюдь не принижается значимость изучения структур, в которых и через которые реализуются ценности. Речь идет о приоритете в определении того общего для социалистов, что не зависит от особенностей места и времени. Фундамент этой общности — система ценностей. Однако, естественно, вслед за определением таких ценностей встает проблема их соотнесения с конкретными условиями и следовательно — поиска адекватных структур и общественных сил. Иными словами, вместо

схоластических построений общих моделей с последующим их наложением на действительность теория обращается к исследованию реальных тенденций самой этой действительности, возможностей и средств претворения в жизнь социалистических ценностей в конкретном обществе в конкретный период.

* * *

Второе направление смены социалистической парадигмы — переход от "слома" к органике. В сущности, за этим стоит вопрос о соотношении революционности и реформаторства, абсурдности их полярного противопоставления. Исторический опыт доказал, что социализм не может быть результатом разрушения "до основания" старого общества и построения затем нового с "чистого листа", по умозрительной схеме. Мера реализуемости социалистических ценностей в конечном счете определяется достигнутыми обществом рубежами естественного развития — социально-экономического, политического, культурного. Поэтому правильнее говорить не о том, чтобы "построить социализм", "создать социализм", а о том, чтобы, руководствуясь социалистическими целями, способствовать органическому процессу прорастания ценностей социализма на почве данного общества из сложившихся в его недрах предпосылок.

На нынешнем этапе всемирной истории объективная потребность в социализме обусловлена, по крайней мере, двумя общественными процессами. Во-первых, в современных сложных обществах возникает система взаимозависимых ассоциативных социально-экономических связей, требующая демократического регулирования. Созревают элементы и блоки

таких связей: отлаженная инфраструктура общественного регулирования экономики, механизмы перераспределения национального дохода в пользу малоимущих, эффективная система социального обеспечения, общественные фонды, участие работников производства в управлении. Появляется все больше признаков формирования таких ассоциативно-производственных связей, которые создают потребность в комплексном регулировании и саморегулировании общественной жизнедеятельности на основе развития отношений общенациональной и даже международной солидарности. Во-вторых, мировое сообщество стоит перед императивом решения глобальных проблем — ликвидации отсталости развивающихся стран, разоружения, экологии, демографии, энергетики и т.д. Их сколько-нибудь эффективное решение невозможно без кооперации усилий всех стран и народов, без выработки механизмов сознательного регулирования процессов интернационального взаимодействия.

Детерминируемость социалистических тенденций не сводится, однако, к экономической необходимости, а включает социальные, политические, духовные факторы, играющие самостоятельную роль и взаимодействующие с экономикой. Эти детерминанты — не безличностные силы, предопределяющие неизбежность социализма, а компоненты реальности, создающие мотивы и стремления к социальному действию. Результаты же на каждом историческом этапе определяются самой деятельностью общественных сил.

Тем самым подчеркивается значимость сознательной социалистической деятельности, значимость воли и сознания субъекта. Но они вписываются в органический процесс исторической эволюции, а не навязывают ему собственную логику, как это пытается делать радикальный волюнтаризм. Подобная субъективная логика, наталкиваясь на "неприятие" действительностью, неизбежно оборачивается насилием и тоталитаризмом, разрушающим те ценности, ради которых применяется.

* * *

Третье направление смены парадигмы социализма — переход от телеологического детерминизма к осознанию непредопределенной вариативности социально-исторического творчества. Это направление размышлений затрагивает не просто социалистическую традицию, но и покоящуюся в ее основании традицию всей христианской культуры, христианской цивилизаций, которой изначально присуще эсхатологическое восприятие исторического процесса.

В марксистском социализме всегда доминировал онтологический взгляд на историю как определенную последовательность стадий, детерминированных объективными законами, не зависими от воли и сознания людей. Этот взгляд парадоксально сочетался с радикальным волюнтаризмом в политике. Противоречие внешне снималось тем, что волюнтаристская политика оправдывалась произвольно интерпретируемой исторической необходимостью. Однако в таком виде она, как не раз отмечали исследователи, представляла больше как предмет веры, а не научного познания.

В 20-е годы группа талантливых марксистов (К.Корш, Г.Лукач, А.Грамши) попыталась вырваться из порочного круга онтологической интерпретации истории с помощью категории "практики", которая толковалась как единство объективного и субъективного. Однако эта попытка не нашла в то время понимания среди марксистов, хотя оказала сильное влияние на социальную философию Франкфуртской школы.

Опыт XX столетия наглядно доказал несостоятельность вывода механистического детерминизма об "исторической неизбежности торжества социализма". Равно как и несостоятельность сведения общей логики его становления к единому основанию — экономическому базису. Постиндустриальные тенденции современных сложных обществ подводят к видению истории как продукта деятельности людей, отнюдь не predetermined безличностными объективными законами. Очевидно, что ось исторического процесса — это субъект, его деятельность, автономная в очень широких границах. Многофакторность мотиваций поведения и плюрализм поисков социальных групп и личностей делают непредсказуемыми характер и результаты сложных социальных взаимодействий, складывающихся в реальной жизни.

В этой связи напрашивается парадоксальная мысль. Когда-то говорили о переходе социализма от утопии к науке. Не встает ли сегодня противоположная задача? Не нуждается ли социализм, оказавшийся в плену бездушно-сциентистской методологии, в известной дозе утопии? В любом социальном проекте неизбежен ее элемент, ибо любой проект формируется в головах субъектов, наделенных фантазией и воображением, мечтающих о справедливом строе и счастливом будущем. И все эти составляющие сознания — не просто шлаки истории. Они воздействуют на поведение субъектов, формируя реальную ткань общественных отношений, в которой уже постфактум мы обнаруживаем нити объективной необходимости, кажущейся неотвратимой и однозначной. Человеческое вдохновение, вызванное мечтой, страстным желанием, игрой воображения, как бы испаряется, воплотившись в неизменные черты прошлого. А между тем, как справедливо отмечал Макс Вебер: "Возможное часто достигалось только благодаря тому, что делалась попытка выйти за его границы и проникнуть в сферу невозможного" [4].

Возникает потребность в переосмыслении под этим углом зрения многих социально-философских измерений социалистического проекта. Во-первых, становится очевидной несостоятельность самого понимания прогресса как линейно-восходящего развития. Во-вторых, напрашивается отказ от революционного мессианства — прямого

следствия представлений об исторической неизбежности победы социализма. В-третьих, обнаруживается наивность представлений о социальной гармонии, которая увязывалась с высшей стадией социализма — коммунизмом. Возможно лишь социальное равновесие, подвижный эквilibриум, вовсе не устраняющий социальные конфликты. Последние выполняют незаменимую роль генераторов общественного развития. Прав Ральф Дарендорф, говоря, что надо "уметь жить с конфликтами" [5]. Социалистическая теория может показать наиболее эффективные пути регулирования социальных конфликтов.

* * *

Четвертое направление смены парадигмы — это переход от тотального монохолизма в понимании человеческого сообщества (целостный мир, единая цивилизация) и соответственно социализма к представлениям о полиморфной системе миров, культур, цивилизаций и соответственно — о разных типах воплощения социалистических ценностей.

Исторически сложившаяся социокультурная гетерогенность человеческого сообщества столь глубока, что весьма трудно — а в некоторых сферах общественной жизнедеятельности едва ли вообще возможно — найти общий знаменатель. Ценности жизни и культуры (либеральные, социалистические, религиозные) видятся по-разному в разных социокультурных контекстах, в разных соотношениях с иными системами ценностей. И когда западные теоретики начинают описывать общечеловеческие ценности или контуры общечеловеческой цивилизации, картина оказывается нарисованной в западном стиле, далеко не всегда понимаемом в иных историко-цивилизационных регионах (что относится и к социалистической концепции).

Органической целостности мирового сообщества нет, во всяком случае на нынешнем этапе истории. Есть пока довольно пестрая и неупорядоченная система взаимоотношений различных социокультурных сообществ, каждое из которых, в свою очередь, отличается многообразием форм. Что будет в последующем? Дать убедительный ответ едва ли возможно. Но правомерно заключить, что гипотеза о формировании в будущем некой органической целостности — социокультурной и структурно-функциональной — пока не имеет достаточно веских оснований. Более вероятно другая гипотеза — о перспективе системного взаимодействия разных миров, равноправном, свободном от искусственных барьеров "союзе сообществ" как естественном состоянии человеческой цивилизации. Если это так, то социалистическое видение мирового сообщества не может не соотносываться с этой перспективой.

Кстати, проблема соотношения целостности и плюральности существует и для отдельных национальных обществ, если принять во внимание, что социалистическая перспектива предполагает децентрализацию власти и приумножение разного рода субкультур. Как тогда будет обеспечиваться единство общества, необходимое для его организованного регулирования (один из принципов социализма)? Немецкий философ Ю.Хабермас в качестве способа решения этой проблемы предлагает в своей теории коммуникативности выявление объединяющей индивидов intersубъективной общности через свободное взаимодействие всех общественно-политических течений [6]. Однако это предмет отдельного разговора.

* * *

Пятое направление смены социалистической парадигмы, тесно связанное с предыдущим, — это переход от национально-государственного видения социалистических перспектив к глобальному видению. До сих пор политические программы всех социалистических движений строились на национально-

государственной основе. Международная проблематика в большей или меньшей степени оставалась общим фоном.

Казалось бы, подобный вывод противоречит практике образования и деятельности трех Интернационалов, ставивших во главу угла международную солидарность трудящихся. Однако в I и II Интернационалах речь шла о солидарности национальных движений. Если международные формы активности временами преобладали (в I Интернационале), то это

объяснялось слабостью национальных движений, их неоформленностью. Но после того, как возникли и окрепли национальные социал-демократические партии, в кризисных ситуациях в их политике неизбежно обнаруживался приоритет национального начала. С возникновением Первой мировой войны это привело к краху II Интернационала. Что же касается III Интернационала, то стремление превратить его в единую партию окончилось неудачей и фактически было дезавуировано уже в рамках Коминтерна. Национальный фактор в социалистическом движении превалировал над международным в прошлом, превалирует он и сегодня.

Нынешняя острота глобальных проблем, как уже отмечалось, выдвигает на повестку дня поиск международных программ и механизмов сознательного регулирования глобальных процессов, поддержания равновесия в неустойчивой системе взаимодействия миров и регионов. С одной стороны, это показатель потребности в социализме на международном уровне. С другой, с успехом этой международной программы связана и реализация социалистических ценностей на региональном и национальном уровнях.

Все это означает, что в концепции и политике социализма резко возрастает удельный вес интернационального начала. Думается, что изменяются не просто пропорции, а происходит качественный сдвиг, который еще не осознан социалистами, во всяком случае достаточно полно.

* * *

Шестое направление смены парадигмы социализма — это переход от особости, исключительности социалистической концепции и социалистического движения к широкому идейному и политическому дискурсу. Конструктивный процесс движения общественно-политической мысли, через который происходит освоение многогранного социального опыта, отбор и синтез ценностей, взаимное обогащение различных общественно-политических традиций, в наше время становится магистральным руслом развития социального познания и политической практики. Всякая особость, исключительность, отделенность губительны для любой социальной концепции. Между тем включение в дискурс ставит под вопрос монолитную целостность социалистической доктрины. Выражение Ленина: она вылита из одного куска стали, из нее нельзя вынуть ни одной посылки, не разрушая целого, — не отвечает качественным характеристикам современной теории социализма. Ей (как одной из составляющих дискурса) должны быть присущи гибкость, подвижность, реактивность. В социалистической концепции выделяется более устойчивое идентификационное ядро, включающее основные ценности и самые общие категории, и более подвижная мыслительная материя, которая перманентно реагирует на дискурс, воспринимает поступающие оттуда сигналы, воспроизводит в себе проблемы и конструктивные идеи, исходящие от других идеологических течений, естественно, преломляя их через призму собственного ценностного подхода.

* * *

Резюмируя соображения о смене парадигмы, важно подчеркнуть, что речь идет не просто об освобождении от ограничений и упрощенчества леворадикальной интерпретации социализма и принятии умеренно-реформаторской концепции. Короче говоря, это не просто переход с коммунистических позиций на социал-демократические. Если бы все сводилось к такого рода изменениям, то правы были бы те, кто утверждает, что для возрождения социалистического движения в России достаточно заимствовать теорию и программу западной социал-демократии. Но это иллюзия, ибо западный социализм тоже переживает кризис (хотя и в иной форме) и тоже нуждается в смене парадигмы, о чем не раз заявляли его видные теоретики.

Речь идет о глубокой трансформации всей социалистической концепции, вплоть до ее глубинных философских основ, об определении ее места в общем многослойном потоке общественной мысли. Не исключено, что изменяется сам характер взаимоотношений разных идеологических течений, происходит расширение зоны их конструктивного взаимодействия, в которой многие позиции, оценки, подходы близки или совпадают, а различия не столь четко очерчены, как раньше, не кристаллизованы в полярное противостояние, а как бы диффузируют в сложном синтетическом процессе познания новых реалий, требующем всего мыслительного потенциала рода человеческого.

Возрождение социализма и усиление его влияния будут определяться способностью выступающих от его имени сил к конструктивному взаимодействию в рамках расширяющегося многообразия, их готовностью к объединительным инициативам со всеми демократическими движениями, выражающими тревоги и потребности перехода к новой цивилизации. Собственно, от этого зависит состав самих социалистических сил. Когда-то, в обществах классического индустриализма, массовую базу социалистического движения составлял рабочий класс — по сути, единственная сила, противостоявшая капиталу. Сегодня сознание и поведение весьма широких социальных слоев и общественных групп детерминируются не только противоречиями между трудом и капиталом, но и целой гаммой противоречий между обществом и природой, бюрократизированными управленческими структурами и тягой к самоуправлению, человеком и культурой, развитыми и развивающимися странами, мужчинами и женщинами, между разными национальными общностями. Общественное движение, которое может быть обозначено как социалистическое, формируется как сложная система взаимоотношений разнообразных партий и течений. Ни одно из этих течений не обладает монополией на социалистические ценности, на истолкование социализма и социалистической стратегии.

Более того, и сам социализм предстает, скорее, не в качестве четко очерченного и организационно оформленного социального движения, а как некий вектор развития человечества. Лишаются оснований претензии на исключительность и гегемонию.

* * *

Смена парадигмы, прежде всего поворот к ценностному восприятию социализма порождают естественный вопрос: как социализм соотносится с либерализмом, который также ориентируется на гуманистические ценности? Вообще полярное противопоставление либеральных и социалистических ценностей по сути своей кажется несостоятельным. В самом деле, у обеих систем ценностей общий источник — гуманистические идеи эпохи Просвещения. Обе они исходят из одной цели — освобождение человека; обе базируются на общечеловеческих ценностях. Различие же состоит в том, что в либеральной концепции освобождения главный акцент делается на

свободе индивида как самоценности. Волей-неволей это оставляет в тени вопрос о средствах ее осуществления в том или ином реальном социуме. Социализм, напротив, делает упор на рациональную организацию коллективного бытия людей, которое, по замыслу, и должно обеспечить им свободу. На деле же это, как правило, приводило к недооценке индивидуальной свободы.

Либеральная концепция выстраивает систему ценностей вокруг индивидуального начала, а социалистическая ставит ценности свободы, равенства, справедливости в систему координат отношений коллективизма и солидарности. Каждая из концепций, как видим, имеет свои сильные и слабые стороны. Взаимодействие и соперничество либерального и социалистического методов исторического действия обогащают каждый из них, помогают преодолевать односторонность в оценке общественного развития.

Так, противоречия раннего капитализма выявили ограниченность политического равенства, на которое ориентировался либерализм. Реагируя на эту ограниченность, теория социализма обосновала необходимость социального равенства, призванного исключить положение, при котором один человек живет за счет другого. Социальное развитие капиталистических стран в XX столетии объективно происходило в русле этой идеи: постепенное и неуклонное (хотя и через острые катаклизмы, через классовую и общественную борьбу) смягчение эксплуатации, расширение участия масс в управлении экономикой и политикой, рост регулирующих, планово-программных начал, получивших, в частности, отражение в кейнсианстве. В нынешних условиях, когда обнаружилась ограниченность старого (авторитарного) коллективизма — его направленность на подчинение индивида коллективу, личного общественному — успех либеральной практики в обеспечении прав и свобод личности, в свою очередь, бросает вызов социализму. Ответ социалистов и социал-демократов, по-видимому, будет найден в новом коллективизме, не ограничивающем, а поощряющем многообразие интересов и ценностных ориентации, обогащающих общественные отношения.

* * *

Переход к новой парадигме размывает четкость, определенность сложившихся на прошлом опыте критериев социалистичности. Встает вопрос о показателях идентификации социалистической позиции. Представляется, что они выражаются главным образом в некоторых особенностях подхода к решению теоретических и общественно-политических вопросов, концентрирующихся в исторически сформировавшейся социалистической традиции.

Среди этих показателей три кажутся наиболее важными, хотя, разумеется, они не исчерпывают идентификационного содержания социалистической позиции.

Первый показатель — **социальность** в подходах и оценках. Имеется в виду осознание социальной детерминированности исторического действия интересами, стремлениями, оценками, отражающими положение социальных групп и слоев в системе общественных отношений. Под этим углом зрения любой анализ событий и действий включает в себя учет интересов и моральные оценки. Социалистическая позиция отдает при этом приоритет интересам людей труда.

Второй показатель — **солидарность**. Изначально это понятие заложено в самом слове "социализм". Впервые этот термин был использован в 30-е годы XIX века социалистом Пьером Леру в книге, посвященной критике буржуазного индивидуализма. В социализме как выражении коллективистской солидарности автор видел альтернативу индивидуализму.

Третий показатель — **интернационализм** (сегодня непопулярное слово). С

позиций социализма интернационализм, очищенный от разного рода тоталитарных и имперских наслоений, — необходимое условие решения все более актуальной задачи сознательного регулирования мира.

* * *

Переосмысление социалистической концепции требует ясного понимания и четкой оценки семидесятилетней истории СССР, идентифицировавшейся в общественном сознании со строительством социализма. Большевиками был предпринят исторический эксперимент создания некой формы "государственного социализма", который, мобилизуя ресурсы общества для экономической и культурной модернизации, вывел бы страну на передовую линию прогресса. Могла ли жесткая форма авторитарной диктатуры большевиков эволюционировать в какую-то разновидность демократического социализма? Если такая возможность и существовала, то в результате сталинского термидора она была утрачена. Тем не менее эту неудавшуюся попытку создать общество на коллективистских основах не вычеркнуть из истории социалистического движения. За ней стояли объективные тенденции, тяга к социализации форм человеческой деятельности, общественная потребность противопоставить капиталистическому отчуждению и индивидуализму коллективистскую солидарность и кооперацию. Для будущего возрождения социализма необходимо понять, почему российский эксперимент не удался. Многие объясняются незрелостью социалистического движения, наивностью представлений о социальном равенстве, о возможности его достижения простым перераспределением общественного богатства, рациональной организацией общественного хозяйства и т.д. В конечном счете дело не только в том, что модернизация в подобной социалистической оболочке приобрела односторонний характер и была оплачена страшной ценой. Дело прежде всего в том, что российский эксперимент на практике выявил ограниченность той формы социализма, которая сложилась в условиях раннего капитализма и несла в себе разрушительный заряд радикализма. России пришлось пережить трагические последствия сталинского тоталитаризма, чтобы осознать утопизм и пагубность упрощенных революционаристских подходов.

Нынешнее состояние социалистического движения в России — это естественная реакция на дискредитировавший себя так называемый реальный социализм. В годы перестройки в КПСС выкристаллизовывалось близкое к социал-демократическому движению течение демократического социализма. Но оно не успело оформиться, чему помешали авантюрные действия консервативной части руководства партии, приведшие к краху КПСС. На ее обломках возникло несколько партий социалистической ориентации. Но они недостаточно влиятельны, не освободились еще от радикально-коммунистической догматики, не осознали масштабов необходимых перемен в теориях и политике, не имеют сколько-нибудь широкой социальной базы.

Трудно рассчитывать на подъем социалистического движения в России в ближайшем будущем. Правда, попытки властей осуществлять реформы авторитарно-радикальными методами создают почву для ностальгии по социализму и тем самым — для усиления влияния коммунистической оппозиции. Однако последняя тяготеет больше к прошлому социализма, чем к его будущему.

Тем не менее, в более отдаленной перспективе новый подъем социализма в России представляется весьма вероятным. Этому способствуют и глубокие коллективистские традиции российского общества, и прочные социально-психологические стереотипы сознания и поведения, сложившиеся за многие десятилетия, и сама реформация общества, которая будет порождать потребность в

сознательном общенациональном регулировании экономики и социальных отношений.

Умер социализм вчерашний, оказавшийся неспособным адаптироваться к новой исторической обстановке и потому выродившийся в тоталитарную форму. Но социалистическая идея имеет глубокие корни как в природе общества, так и в природе человека. Идет трудный поиск нового содержания и нового имиджа социализма, способного ответить на вызовы времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Francis Fukuyama. The End of History? // The National Interest. N 16, Summer, 1989.
2. Чаянов А.В. Венецианское зеркало. Повести. М.: Современник, 1989. С.185.
3. Bauman Z. A Sociological Theory of Postmodernity // in: Between Totalitarianism and Postmodernity. London: The MYTPress, 1992. P. 151.
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.572.
5. Darendorf R. The Modern Social Conflict. London: Weidenfeld and Nicolson, 1991. P.XI.
6. Habermas J. What does socialism mean today // Contents, September / October 1990. N183.P16.